

23 ОКТ 1974

НАРОДНЫЙ АРТИСТ
СССР
ЮРИЙ НИКУЛИНПечатается
с продолжением

150 ТЫСЯЧ СОБАКЕ ПОД ХВОСТ

В Кашире нас расположили в общежитии местного техникума. Первое, что наметили снимать, конечно же, финал картины, когда Мухтар идет по следу бандита Фролова.

Собак приучили в период подготовки к съемкам ко всему: бежать, стоять, сидеть, лежать по первой команде. Эти собаки бросались на «преступника», если он замахивался на них ножом. Они спокойно выдерживали выстрел холостым зарядом из пистолета прямо в морду. Они бросались на человека по команде «фас», готовые его разорвать.

Вот такие были у нас собаки — Байкал и Мухтар, но когда они попали на съемочную площадку, когда включили полный свет, заработала камера, загудел ветродуй (он поднимал снежную пыль), наши собаки наотрез отказались сниматься.

Они испуганно начали озираться по сторонам, их била дрожь, они легли на снег и ни за что не хотели двигаться.

Так несколько дней, а каждый съемочный день стоило 30 тысяч рублей старыми, вся киногруппа, а это несколько десятков человек, работала впустую. Тогда Подушкин сказал:

— Вы знаете, собак придется переучивать. На это потребуется полтора месяца.

Директор нашего фильма в ужасе кричал (тогда люди еще не привыкли к новым деньгам и постоянно говорили, уточняя, — старыми или новыми):

— 150 тысяч старыми собаке под хвост. Это же ужас?

МОЯ СОБАКА ХОЧЕТ СНИМАТЬСЯ

Что делать? Запросили студию. Уже пошли слухи, что нашу картину хотят закрывать. А зимняя натура уходила.

В прессе появились сообщения о съемках нашего фильма. В «Советском экране» поместили снимки собак, которых предполагали снимать. И тут произошло неожиданное...

На студию пришла телеграмма: «Мосфильм» киногруппа Мухтар моя собака хочет сниматься вашем фильме Инженер Длигач».

Все над телеграммой посмеялись, и только Туманов с отчаяния сказал:

— А кто знает, может быть, это именно та собака, которая нам нужна?..

И он предложил капитану Подушкину поехать и посмотреть собаку. Тот вылетел в три часа дня в Киев, а в 10 вечера позвонил Туманову и сказал:

— Собака стоящая. Нужно брать.

Подушкину дали команду выезжать в Москву с собакой.

...К нашему дому на улице Фурманова подъехал мосфильмовский «газик», и шофер, вызвав меня, заговорщики подмигнув, сказал:

— Юрий Владимирович, в машине собака. Привезли. Около подъезда увидел стоящего рядом с машиной человека небольшого роста с тоненькими усиками. Он подошел ко мне и, протянув руку, сказал:

— Меня зовут Михаил Давыдович. Я инженер из Киева. А вот и моя собака, — и позвал: — Дэйк!

В открытую дверь «газика» высунулась здоровая морда пса, посмотрела внимательно на него и на меня и тут же спряталась.

Длигач сказал:

— У меня к вам огромная просьба. Нужно об этом договориться сразу, и не потому, что я хочу быть с вами на короткой ноге, добиваться особой дружбы. Это нужно для него, — и он посмотрел на овчарку. Я прошу вас, чтобы вы называли меня просто Мишой, а я вас Юрай. Вы знаете, — добавил он, — собака сразу должна узнать ваше имя. Юрий Владимирович ей трудно запомнить. Когда вы будете обращаться ко мне, называя Мишой, то она поймет, что вы говорите обо мне.

Я согласился.

Когда мы сели в машину, я — рядом с шофером, Михаил Длигач — с Дэйком на заднем сиденье, то хозяин собаки меня предупредил:

— Я только прошу вас, Юра, ничего ему не давать. Не предлагайте никакой еды и не зовите его, а то он на вас бросится и укусит.

Я спросил Длигача, почему собаку назвали непривычным именем Дэйк? Мы видели овчарок, среди них Джульбарсы, Джоны, Рольфы, но собака с такой кличкой?

— Знаете такого художника — Ван Дэйк. Вот, Ван я отбросил, а Дэйк остался.

Я понял сразу, что Михаил Длигач очеловечил свою собаку.

На студии продолжали снимать сцены без участия собаки. Но тем не менее, чтобы она начала ко мне привыкать, ее привели в павильон. По ходу сцены я должен сидеть за столом. И Михаил Длигач сказал Дэйку:

— Сидеть с Юрай.

Пес подошел ко мне и сел рядом.

— Пусть он посидит с вами. Неважно, что он не снимается. Вам необходимо постепенно привыкнуть друг к другу. Дэйк запомнит ваш запах, будет считать вас своим. Ведь вам во многих сценах придется быть рядом.

К вечеру Длигач сказал:

— Завтра принесите пару сосисочек.

На другой день я вошел вместе с Михаилом Длигачем в специальную комнату, где находился Дэйк. Он сразу зарычал.

— Сидеть, — сказал Длигач. — Юра, вынь сосиску и дай мне.

Я вытащил сосиски, дал их хозяину, а он передал их собаке. Дэйк сосиски стал есть.

— Вот видишь, — говорил Михаил, обращаясь к Дэйку, — это Юра принес тебе сосиски, Юра.

На другой день мне велели принести печенку. Просьбу выполнил. Все повторилось. Потом принес любительскую колбаску. И тоже сначала отдавал Длигачу, а он уже передавал с соответствующими словами Дэйку.

Наконец, не выдержав, я спросил:

— А почему нельзя мне самому давать еду Дэйку?

— Он из чужих рук не берет, — спокойно ответил Длигач, — может броситься.

Примерно на шестой день, когда я вошел в комнату, где хозяин сидел с собакой, услышал радостный крик:

— Смотри, смотри, Юра, — воскликнул Миша, показывая на хвост собаки, — ты видишь?!

И я увидел, что самый кончик хвоста немножко шевелится.

— Ты видишь! Он тебя уже узнает! Он к тебе даже относится с симпатией...

— Ну, ничего себе, — заметил я иронически. — неделя прошла для того, чтобы кончик хвоста задвигался. А сколько же нужно, чтобы хвостик вилял вовсю?

— Время, время, и все будет, — заверил меня Длигач.